

Общие вопросы философии и истории науки

**ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
В «ИСТОРИИ ЖИВОТНЫХ» АРИСТОТЕЛЯ**

E.B. Орлов

Б.А. Старостин пишет: «Систематизация, элементы которой... бесспорно присутствуют в “Истории животных”..., основана на морфологических, физиологических (особенности воспроизведения) и экологических (деление животных на водные, сухопутные, “воздушные”) признаках...» [1]. Такое истолкование систематизации Аристотеля, вероятно, можно рассматривать как общепринятое. Однако, с нашей точки зрения, оно требует некоторых пояснений, а можно сказать, и уточнений. Прежде всего возникают вопросы по поводу третьего из приведенных оснований систематизации – деления животных на водных, сухопутных, и «воздушных». Дело в том, что Аристотель в работе «О частях животных» в контексте критики дихотомии полемизирует по поводу этого деления с «академиками» – Платоном и, возможно, Спевсиппом (*Part. An.* I 3, 643a35–b3). В «Истории животных» (*Hist. An.*) Аристотель действительно рассматривает деление животных на «сухопутных» и «водных», а «сухопутных» – на «пеших» и «летающих», так что *Hist. An.* дает основание говорить и об аристотелевских разделениях животных на пеших, водных и летающих. Однако наряду с этими разделениями Аристотель рассматривает и многие другие. Возникает вопрос: идет ли речь у Аристотеля о некоем едином разделении (одной классификации) животных по многим основаниям или же о нескольких разных разделениях (классификациях)?

В данной статье мы предложим комментарий к *Hist. An.*, в котором покажем, что Аристотель систематизирует животных посредством системы классификаций, среди которых есть как естественная (родовидовая) классификация, так и ряд искусственных классификаций, определенным образом связанных с естественной. А родовидовое классифицирование Аристотель совершает на основании прежде всего частей животных.

Мы прокомментируем фрагменты *Hist. An.* с разной степенью подробности. В разделе I статьи будут прокомментированы главы *Hist. An.* I 1–5. Комментирование *Hist. An.* I 1 позволяет определенным образом истолковать содержательную структуру всего сочинения и тем самым выявить собственно родовидовую классификацию животных, которую Аристотель предлагает в *Hist. An.* I 6. А в *Hist. An.* I 2–5 Аристотель выявляет части животных, которые он принимает в качестве оснований этой классификации. Во разделе II мы прокомментируем *Hist. An.* I 6 и вместе с тем рассмотрим аристотелевскую родовидовую классификацию животных. В разделах III и IV мы прокомментируем остальные главы I книги, а также II–VIII книги «Истории животных» и вместе с тем рассмотрим искусственные классификации животных.

Тематически предлагаемая статья продолжает нашу предыдущую статью «Аристотель об основаниях классификации» [2] и опирается на нее.

I

Комментарий к *Hist. An.* I 1. В этой главе Аристотель сначала говорит о частях животных: подобо частных (гомеомериях) и неподобо частных, а также о частях-членах (486a5–14). Затем он говорит о частях животных в связи с родами и видами животных: части животных или *те же* (*tauta*), или *другие* (*hetera*) (В.П. Карпов переводит как «одинаковые и различные», а далее – как «сходство и различие», что свидетельствует о том, что он не уделяет должного внимания параллелям с «Метафизикой» и вообще метакатегориям Аристотеля [3]); у животных *тех же по виду* и части *те же по виду*; у животных *тех же по роду* части *те же*, но различаются по «превышению и недостатку»; у некоторых животных *тех же по роду* части *другие*; у некоторых животных *других по роду* части *те же по аналогии*, а не по виду или по превышению и недостатку (486a14–487a1). После этого Аристотель

разделяет гомеомерии влажные и мягкие, с одной стороны, и сухие и твердые – с другой, перечисляя те и другие. Для последующего анализа важно то, что он называет среди влажных (и мягких) гомеомерий, а значит, частей животного кровь, а также мясо и его аналоги (87a1–10).

Далее Аристотель пишет следующее (487a11–14): «Различия же животных суть на основании образа жизни (*tous bious*), практических действий (*praxeis*), нравов (*ta ēthē*) и частей (*ta moria*), о которых мы сначала скажем “в первом приближении” (*tupōi*), а в последующем будем говорить, разумея каждый род [в отдельности] [4]. Этот фрагмент помогает нам понять содержательную структуру всего трактата. А именно, далее нам надо выяснить, где конкретно Аристотель рассматривает различия животных по образу жизни, практическим действиям (*praksisam*), нравам, а также частям, в «первом приближении», а где – в связи с каждым родом животных. Более того, если Аристотель будет рассматривать эти различия в связи с каждым родом, то встает вопрос: где и каким образом он вводит эти роды?

Выражением «в первом приближении» мы с некоторой степенью условности перевели греческое выражение *tupōi*. Вообще Аристотель использует это выражение в связи с дистинкцией «в первом приближении – более точно». Эта дистинкция присутствует во многих методологических и гносеологических рассуждениях Аристотеля. Поскольку при комментировании *Hist. An.* мы встретимся с ней еще раз, а также поскольку в аристотелеведении ей уделяется недостаточное внимание, рассмотрим ее подробно.

В «Никомаховой этике» (*EN*) I, приступая к рассмотрению «блага», Аристотель пишет: «... Надо попытаться [хотя бы] “в первом приближении (*tupōi*)” охватить его» (ii 1094a25). Далее он представляет развернутое рассуждение о том, что не всегда следует стремиться к точности знания, ибо точность исследования должна соответствовать предмету (ii 1094b11–27), чтобы, как говорили греки, «задел не больше дела был» (ii 1098a32–33) [5]. Однако иногда последующее уточнение знания необходимо. Уточнения могут производиться как на уровне описаний, так и на уровне причинного объяснения (vi 1098a33–1098b3). В связи с тем же благом Аристотель пишет следующее: «Пусть так будет очерчено (*perigegraphō*) благо; ибо, судя по всему, сначала надо описать его “в первом приближении” (*hypotupōsai*), а затем уже подробно (*anagrapsei*)» (1, 1098a20–22). Современные логики и методо-

логи науки различают «дескрипцию» и «дефиницию». Аристотель тоже различает «описание» и «определение». Более того, в приведенном выше фрагменте он различает среди описаний описания «в первом приближении» и более подробные описания.

Обратим внимание на лексику, которую использует в данном случае Аристотель, а именно, на однокоренные глаголы *peri-graphō* (указывает на описание «в первом приближении») и *ana-graphō* (указывает на более подробное описание). Позднее, в византийское время, Св. Иоанн Дамаскин обозначал «описание» (в отличие от «определения») лексемой, производной от глагола *hypo-graphō* (*Dialectica*: 8.28–33) [6]. Аристотель также использует лексемы, производные от *hypo-graphō*. Но у него они означают или зримое очертание (668a15, 743b24, 764b30), или некое содержание, наглядно представленное в виде схем, рисунков или таблиц (22a22, 346a32, 363a26, 510a30, 973b23, 1220b37), и только иногда они могут означать рассмотрение чего-либо «в первом приближении», как в *Ath. Pol.* 4.1.1. В основном же Аристотель указывает на описание «в первом приближении» лексемами с корнем *tup-*. Так, в вышеприведенном фрагменте *EN* I 1, 1098a20–22 Аристотель использует глагол *hypo-tupōsai*. Н.В. Брагинская переводит здесь его как «дать общий очерк» и комментирует следующим образом: «Чтобы подчеркнуть неточность и приблизительность исходных положений этики, Ар. обращается к метафорам из сферы ремесла: *дать общий очерк* (*hypotupōsai*) – букв. “сделать отпечаток”, “выдавить”; *предварительное и подробное описание* (*perigraphō*, *anagrapasai*) – видимо, “набросок” и “раскраска”» [7].

Дистинкция «в первом приближении – более точно» используется Аристотелем и в «Метафизике» (*Met.*). В *Met.* VII 2, формулируя задания для исследования «сущности», он пишет, что прежде чем решать проблемы, связанные с сущностью, надо «в первом приближении» (*hypo-tupōsamenois*) ответить на вопрос: *что есть сущность* (1028b31–32)? Аристотель выполняет это задание в *Met.* VII 3, 1029a7–10: «Итак, ныне сказано “в первом приближении” (*tupōi*), *что есть* сущность, [а именно, сущность есть то], что не [сказывается] на основании подлежащего, но иное [сказывается] на ее основании; однако нельзя [сказать] только так, ибо недостаточно; ибо само это [положение] неясно, да и материя [в этом случае] становится сущностью» [8].

Рассмотрение предмета «в первом приближении» в разных контекстах может иметь разное значение: или это предварительное опи-

сание, за которым последует описание более подробное, или это описание, за которым последует причинное объяснение, или это некое «диалектическое» суждение, за которым последует переход на «метафизический» (с точки зрения Аристотеля, «более точный») уровень. В комментируемом нами фрагменте *Hist. An.* I 1 речь идет о том, что сначала мы рассмотрим нечто, касающееся животных вообще (рассмотрение «в первом приближении»), а затем мы рассмотрим то же самое, но в связи с определенными родами и видами животных.

«В первом приближении» Аристотель говорит о различиях животных по образу жизни, *праксисам* и нравам в I 1, 487a14–487b32. Здесь речь идет о разделении животных на водных (*enudra*) и сухопутных (*chersaia*). Далее в I 1, 487b33–488b11 Аристотель говорит «в первом приближении» о различиях животных по образу жизни и *праксисам*, имея в виду следующие разделения животных: стадные и одиночные; политические и живущие порознь; политические с гегемоном и анархические; оседлые и странствующие; плотоядные, плодоядные, всеядные и со своим питанием; охотящиеся и накапливающие пищу; имеющие дом и бездомные; пещерные и наземные; с норами и без нор; ночные и живущие при свете; домашние и дикие; способные издавать звуки-шумы, немые и одаренные голосом; живущие в полях, горах и с человеком; склонные к любовным наслаждениям и целомудрию; живущие в открытом море, по берегам, на камнях; склонные к борьбе и осторожные. О различиях по нравам «в первом приближении» Аристотель говорит в I 1, 488b12–488b26: одни животные «кротки, печальны и не склонны к возмущению», другие «злобны, агрессивны и не поддаются обучению»; одни «благоразумны и боязливы», другие «низки и коварны»; одни «свободны, храбры и благородны», другие «породисты, дики, коварны»; одни «лукавы и злокозненны», другие «отважны, дружественны и льстивы», иные «кротки и способны к приручению», иные «стыдливы и осторожны», иные «завистливы и любят красоваться». После чего Аристотель вновь замечает (I 1, 488b27–28): «О нравах и образе жизни касательно каждого рода впоследствии будет сказано более точно». На этом *Hist. An.* I 1 заканчивается.

Комментарий к *Hist. An.* I 2–5. «В первом приближении» о частях животных Аристотель говорит в I 2–4, 488b29–489a34. В этих главах он говорит об общих частях животных, одни из которых внутренне присущи всем животным, а другие – большинству. Имеются в виду

части, связанные с питанием и выделением, размножением и осязанием, а также с влажностью в организме. С точки зрения последующего комментирования важно обратить внимание на два разделения Аристотеля. Во-первых, в I 3, 489a8–15 он пишет, что у одних животных есть самки и самцы, а у других нет. Впоследствии он уточнит это разделение, различив животных, возникающих от спаривания и возникающих самопроизвольно (по-гречески – *автоматически*). Во-вторых, Аристотель заканчивает этот фрагмент разделением животных на тех, что с кровью, и бескровных (влажность у одних животных – кровь, у других – ее аналог). С учетом того, что Аристотель рассматривает кровь как часть животного (что ранее мы уже отметили), данное разделение производится «на основании частей».

Hist. An. I 5 представляет здесь для нас особый интерес, ибо именно в этой главе Аристотель ведет речь о различиях по способу «репродукции» и «локомоции», которые, как принято считать, используются им в его классификации животных. В I 5, 489a34–b18 Аристотель разделяет животных на живородящих, яйцеродящих и черверодящих. Впоследствии (за пределами I 5) он пояснит, что это разделение касается только животных, возникающих от спаривания. А сейчас перед нами встает вопрос: разделение животных на живородящих, яйцеродящих и черверодящих производится Аристотелем на основании образа жизни, *праксисов*, нравов или частей? Или как-то иначе? Очевидного ответа нет. В I 3 Аристотель начал разговор («в первом приближении») о частях животных, связанных с репродуктивной функцией. Однако в этой главе было сказано лишь то, что в организме самок есть матка или ее аналог, чего недостаточно для разделения животных на живородящих, яйцеродящих и черверодящих. Мы еще вернемся к этому вопросу, а пока лишь отметим, что Аристотель, заканчивая в I 5 фрагмент, касающийся разделения животных на живородящих, яйцеродящих и черверодящих, отсылает читателей за дальнейшими пояснениями к своей работе «О возникновении животных» (*Gen. An.*) (489b17–18).

Далее в I 5, 489b19–23 Аристотель разделяет животных вообще на животных с ногами и безногих, а животных с ногами – на двуногих, четырехногих и с большим количеством ног. В I 5, 489b23–490a5 он разделяет, во-первых, теперь уже только плавающих животных опять же на тех, что с ногами, и безногих, а во-вторых, плавающих безногих животных – по наличию и количеству плавников. В I 5, 490a5–25 Аристотель

разделяет теперь уже только летающих животных на животных пернатых, с перепончатыми (*ptilōta*) крыльями и крыльями кожаными. Он поясняет, что первое из этих разделений соответствует роду птиц, а о двух других родах говорит, что они анонимны. В анонимный род животных с перепончатыми крыльями Аристотель включает насекомых, которых в других местах своих сочинений он предпочитает называть «цельнокрылыми» (*plópteron*). Последнее наименование связано с тем, что Аристотель рассматривает крыльшки насекомых по аналогии с перьями у птиц как единое «перо». Получается, что в крыльях птиц много перьев (расщепленное оперение), а у насекомых крыльшки состоят только из одного аналога пера (цельнокрылые). Поэтому за пределами *Hist. An.* I 5 в большинстве случаев Аристотель различает летающих животных «цельнокрылых» и «с расщепленным оперением», а не «с перепончатыми крыльями» и «пернатых». В качестве примера летающего животного с кожаными крыльями он приводит обычно летучую мышь. Далее в *Hist. An.* I 5 Аристотель, относя летающих животных пернатых и с кожаными крыльями к животным с кровью, а с перепончатыми крыльями – к бескровным (490a8–9), вновь обращает внимание на наличие ног, а именно, отмечает, что все летающие животные пернатые и с кожаными крыльями двуногие (490a10–11), за исключением некоторых эфиопских летающих змей, которые, как свидетельствуют «очевидцы», безногие (последнее свидетельство, вероятно, из серии «рассказов о диковинах»). В завершающей части *Hist. An.* I 5 Аристотель пишет, что все движущиеся животные движутся посредством четырех или более конечностей: четвероногие животные – посредством четырех ног, человек – посредством двух ног и двух рук, птицы – посредством двух крыльев и двух ног, рыбы – посредством четырех плавников или двух плавников и двух изгибов, змеи – посредством четырех изгибов, бескровные животные – посредством более чем четырех конечностей (490a26–b6).

Содержание самой по себе главы *Hist. An.* I 5 не дает оснований для однозначного ответа на вопрос о том, ведет ли Аристотель здесь речь о родовидовых разделениях животных или о каких-то иных разделениях. Место и роль этой главы в составе всего сочинения станет понятнее при чтении последующих глав. А пока лишь отметим, что в указанной главе речь идет, во-первых, о способах репродукции и, во-вторых, о частях-членах животных, посредством которых они осуществляют передвижение: ногах, крыльях,

плавниках, изгибах тела (в I 4, 489a26–29 Аристотель отмечает: «А способности творить – в неподобочастных [частях], например способность к обработке пищи во рту, к движению по месту в ногах, крыльях, или их аналоге»). Всех животных при разделениях по способу локомоции касается только различие между животными с ногами и безногими; остальные различия (по крыльям, количеству плавников) касаются только или летающих, или плавающих животных. Если иметь в виду предыдущее заявление Аристотеля о том, что он разделяет животных по образу жизни, *праксисам*, нравам и частям, то разделения животных по частям-членам, посредством которых они передвигаются, следует отнести к различиям по частям, рассматриваемым «в первом приближении»; различие же животных по способу репродукции в этом смысле остается проблемным. В целом мы отнесем *Hist. An.* I 5 к предыдущим главам *Hist. An.* I 2–4, в которых рассматриваются «в первом приближении» части животных.

II

Аристотель после рассмотрения в *Hist. An.* I 1–5 «в первом приближении» различий животных по частям, образу жизни, *праксисам* и нравам в *Hist. An.* I 6, опять же «в первом приближении», вводит роды и виды животных, чтобы потом рассмотреть те же различия в связи с каждым родом животных в отдельности. Для дальнейшего рассмотрения мы разделим *Hist. An.* I 6 на три части: 490b7–19, 490b19–491a6, 491a7–26.

Комментарий к *Hist. An.* I 6, 490b7–19. В первой из выделенных нами частей *Hist. An.* I 6 Аристотель без каких-либо предисловий называет следующие роды: среди животных с кровью – птиц, рыб и китообразных (490b7–9); среди бескровных животных – черепокожих (панцирных), мягкокорлупных (ракообразных), мягкотелых (моллюсков) и насекомых (490b9–15). Обратим внимание на то, что Аристотель сразу исходит из разделения животных на животных с кровью и бескровных, которое он ввел в I 4, а затем перечисляет роды тех и других. По мнению комментаторов, разделение животных на животных с кровью и бескровных по объему выделенных разрядов соответствует современному разделению животных на позвоночных и беспозвоночных [9]. В круглых скобках мы указали современные

наименования соответствующих разрядов животных, которые иногда используются в аристотелевской литературе, хотя соответствие объемов современных наименований и аристотелевских может быть проблемным.

Первые три рода (относящиеся к животным с кровью) Аристотель называет в данном случае «величайшими» (490b7: *megista*). Остальным четырем родам (бескровных животных) в явном виде он не дает никакого эпитета, но если судить по последующему контексту, то он относит их к «великим» (490b16: *megala*) родам. Для остальных животных, пишет Аристотель, великих родов нет (490b15–19): «...Ибо единый вид не объемлет многие виды, однако одни виды просты, сами не имея различий, например человек, другие имеют [различия], но виды анонимные». Однако в *Hist. An.* II 15, 505b25–32 Аристотель несколько иначе распределяет эпитет «величайший». Здесь он называет «величайшими» все роды животных с кровью в отличие от бескровных, а именно: человека и живородящих четвероногих животных, яйцеродящих четвероногих, птиц, рыб, китообразных, а также такие «простые виды» (т.е. виды, которые не входят наряду с другими видами в какой-либо «вид видов»), как змеи и крокодилы. Отметим, что человек, будучи, согласно Аристотелю, «простым видом», в некоторых контекстах рассматривается им вместе с родом четвероногих живородящих животных.

Вопрос о «величайших» и «великих» родах нам представляется важным, поскольку он связан с «таксономией» Аристотеля. Согласно *Hist. An.* II 15, 505b25–32, все роды животных с кровью, включая простые виды, которые собственно родами не являются, – «величайшие». Однако, согласно *Hist. An.* I 6, 490b15–19, «простые виды» не являются «великими» родами. Получается, что человек («простой вид») – «величайший» род (II 15), но не «великий» (I 6). Что это – непоследовательность Аристотеля в словоупотреблении? Или в этой «непоследовательности» есть какой-то смысл? Мы бы предположили, что Аристотель, называя тот или иной род «величайшим», имеет в виду просто размер животных данного рода. Так, в *Hist. An.* I 5, 490a21–25 он пишет: «Все бескровные [животные] по величине меньше животных с кровью, за исключением малочисленных более крупных (*meizona* [т.е. более великих]) морских бескровных [животных], например некоторых из мягкотелых. Среди них [т.е. бескровных животных] величайшими (*megista*) родами становятся те, [которые обитают] в самых теплых [краях], и скорее в море, чем на земле или в пресной воде». А ведь и в *Hist. An.* II 15,

505b25–32 Аристотель называет «величайшими» именно роды животных с кровью в отличие от бескровных. «Великим» же он, судя по всему, называет тот или иной род, говоря языком современных логиков, в силу «объема понятия». В этом случае получилось бы, что аристотелевское выражение «величайшие роды» означает «роды наиболее крупных животных», а к «таксономии» Аристотеля следовало бы отнести только «великие» роды, которые включают в себя как роды животных с кровью («величайшие» роды, т.е. роды наиболее крупных животных), так и роды бескровных животных.

Отметим, что Платон называл «величайшими» родами (*megista tōn genōn*) «само сущее», «движение и остановку», «другое и то же», а Аристотель называет «величайшими» роды самых крупных животных, а именно, животных с кровью [10]. «Сущее» же, а следовательно, и его состояния: «иное и само», «другое и то же по числу», «различие», «несходное и сходное», «неравное и равное», «противность», «различие рода», «другое и то же по виду» (а также «то же и не то же»), «движение и остановку» и т.д., – Аристотель называет «самым универсальным» (*to katholou malista – самое кафолическое*), но не родом.

Если современные классификации животных предполагают многочисленную таксономию: тип и подтип, класс и подкласс, отряд и подотряд, семейство и подсемейство и т.д., то у Аристотеля только три (или четыре) «таксона»: «великие» роды, роды и виды, единичные виды. Метакатегории «роды и виды», выступающие в данном случае в роли «таксонов», используются Аристотелем в соотносительном смысле, т.е. один и тот же разряд животных в одном контексте может оказаться родом, в другом – видом [11]. В этом смысле Аристотель иногда пишет о «видах видов» (имеются в виду соотносительные с данными видами роды). Конечный, далее неделимый вид, соответствующий сущности как *έιδοσу*, он называет единичным видом (подразумевается единичное по виду, а не по числу). В современных классификациях все многообразие таксономических единиц тоже иногда сводят к трем группам: надвидовые единицы (род-подрод и «выше»), основная единица (вид) и внутривидовые единицы (подвид, разновидность, форма). Разница в том, что Аристотель останавливается на основной единице (виде).

Комментарий к *Hist. An.* I 6, 490b19–491a6. Аристотелевский ответ на вопрос о том: почему кроме семи выделенных родов для остальных животных великих родов нет, мы привели еще при ком-

ментировании первой части I 6: чтобы быть великим, некий род должен включать в себя не только единичные виды, но и какие-нибудь виды, объемлющие единичные виды, т.е. «виды видов»; причем эти «виды видов» должны быть поименованными (а не «анонимными»). Во второй части *Hist. An.* I 6 Аристотель показывает, что роды «четвероногих живо- и яйцеродящих животных» этим требованиям не отвечают.

Приступая к «классификации», Аристотель неоднократно заговаривает об «анонимности» некоторых родов и видов. Дело в том, что некоторые разграничиваемые им объединения животных в его время не имели наименования, т.е. были «анонимными». Так, при разделении бескровных животных Аристотель называет «черепокожих», поясняя, что их именуют «раковинами», а далее он называет «мягкоскорлупных», замечая, что для них нет единого имени, а включает этот род в себя лангустов, крабов и раков (I 6, 490b9–14). Судя по всему, наименования «черепокожие», «мягкоскорлупные» даны самим Аристотелем (или кем-то из его современников) и соответствуют тому, что сегодня называют систематическими наименованиями, а наименование «раковины» соответствует тому, что сегодня называют обиходными наименованиями. В таком случае получится, что великий род «мягкоскорлупных» для Аристотеля и его читателей анонимен в том смысле, что у него не было общепринятого (или же обиходного) названия. Для Аристотеля важно различать наименования родов и видов и наименования различий: первое именует то, что подлежит разделению или определению, второе – то, на основании чего осуществляется это разделение или определение. В нашей предыдущей статье «Аристотель об основаниях классификации» мы показали, что к философским построениям Аристотеля приложима современная дистинкция экстенсионала и интенсионала [12]. В этом смысле Аристотель всегда учитывает дистинкцию: имя вида или рода (экстенсиональный аспект) и различие рода, присущее виду (интенсиональный аспект). И виды, и роды, согласно Аристотелю, могут быть как поименованными, так и анонимными. Однако различия рода, присущие виду, вообще в качестве имен видов не рассматриваются. Аристотель говорит об анонимности видов и родов в двух случаях: когда виды поименованы, а их род анонимен (I 6, 490b9–14) и когда анонимны сами виды (I 6, 490b15–19).

Об «остальных животных» (т.е. животных, для которых нет великих родов) Аристотель пишет следующее: они все «с кровью»,

«четвероногие» и «бесперые», одни из них «живородящие», а другие «яйцеродящие»; вместо перьев у них волосы или щитки (щитки сходны с чешуей); все животные с волосами – живородящие, но не все живородящие – с волосами; род змей включает в себя животных «с кровью» «безногих» и «со щитками», гадюка – живородящая, остальные змеи – яйцеродящие; иголки ежей и дикобразов надо полагать неким видом волос (I 6, 490b19–30). Далее Аристотель пишет о «роде четвероногих живородящих». Он указывает, что в этом роде много видов, но они анонимны; в то же время он пишет, что в этот род входят львы, олени, лошади, собаки и т.п. (I 6, 490b31–34). Последних следовало бы рассматривать как «единичные виды». Получается, что Аристотель в данном случае говорит о том, что поименованные единичные виды объединяются во многие анонимные «виды видов». Тут же он описывает один такой «вид единичных видов», который с таким же успехом можно назвать и «родом» (но не «великим»), что Аристотель и делает (выше мы уже отметили соотносительный характер «родовидовых» отношений): «... Есть некий единый род только для так называемых “гривастых”, например [для] лошади, осла, мула, гинны и так называемых “мулов” в Сирии...» (I 6, 490b34–491a3).

Таким образом, согласно Аристотелю, род четвероногих живородящих, как и род четвероногих яйцеродящих, не является «великим», потому что он объемлет анонимные «виды видов» (кроме одного поименованного рода «гривастых»).

Если же «виды видов» поименованы, то сами великие роды могут быть и анонимными. Так, Аристотель признает великим родом мягкокорлупных животных, хотя он и анонимен, но включает в себя поименованные роды, или же «виды видов». Однако на деле все оказывается не столь однозначным. Согласно *Hist. An.* IV 2, 525a30–b11, великий род мягкокорлупных животных включает в себя лангустов, раков, креветок, крабов и еще некий анонимный род «[мягкокорлупных], малых, как крабы, по виду же сходных с раками (525b9–11)». При этом Аристотель называет следующие единичные виды креветок: кифы, крагоны, микрокреветки – и единичные виды крабов: майи, пагуры, гераклиотские крабы, речные крабы и иные анонимные виды крабов, а также крабы, именуемые «конями». В то же время никаких видов лангустов и раков он не называет. Получается, что лангусты и раки суть

«простые виды», т.е. роды, состоящие из одного вида. Род же мягкокорлупных признается великим, хотя он объемлет наряду с поименованными «видами видов» (в данном случае двух) и «простые виды», и один анонимный «вид видов». (А ведь род четвероногих живородящих тоже включает в себя по крайней мере один поименованный «вид видов» – «гривастых», но одного «вида видов», вероятно, недостаточно?)

Вообще, как мы уже отметили, Аристотель имеет в виду три «таксона»: «великие» роды, роды как «виды видов» и единичные виды. Роды «четвероногих живо- и яйцеродящих» не соответствуют ни одному из них. Что же это за «роды»? Пока ограничимся следующим. В конце второй части *Hist. An.* I 6 Аристотель пишет, что в случае «четвероногих живо- и яйцеродящих» надо теоретически рассматривать (т.е. определять) сразу единичные виды (491a4–6). Получается, что в случае птиц, рыб и китообразных мы можем определять сами «великие роды».

«Различия», которые называются Аристотелем в связи с «четвероногими», позволяют нам свести в таблицу аристотелевские разделения животных с кровью. Отметим также следующее. С.С. Розова, имея в виду современную классификационную проблему, во-первых, пишет о «классификационном дереве», прилагаю к нему таблицу признаков, а во-вторых, различает классификацию как текст и классификацию как таблицу [13]. У Аристотеля мы имеем дело с классификацией «как текстом», но мы представим ее «как таблицу» (см. табл. 1).

Для бескровных животных в *Hist. An.* I 6 Аристотель не называет «различий» (отличительных признаков), которые входили бы в определения их родов. Однажды он замечает, что бескровные животные – или безногие, или многоногие, а некоторые насекомые – летающие (490b14–15). Однако этих «различий» недостаточно для определения «великих» родов бескровных животных. В предыдущей главе I 5 Аристотель разделил всех (спаривающихся) животных на живо-, яйце- и черверодящие. Черверодящие являются бескровными. Но и этого «различия» недостаточно для определения «великих» родов бескровных животных. Это станет очевидным, если попытаться построить соответствующую таблицу (см. табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что различия «яйце- и черверодящие», «многоногие и безногие» не разделяют «великие» роды мягкотелых

и мягкокорлупных, а единый «великий» род насекомых, наоборот, разделяют на несколько разрядов.

Различия, на основании которых Аристотель разделяет бескровных животных, обнаружаются в *Hist. An.* IV 1. Представим их также в виде таблицы (табл. 3).

Таблица 1

Животные с кровью		
Различия:	живородящие	яйцеродящие
четвероногие	львы, олени, лошади, собаки и т.п.	ящерицы, крокодилы и т.п.
двуногие	человек	птицы
безногие	китообразные	рыбы

Таблица 2

Бескровные животные			
	возникающие от спаривания		возникающие автоматически
Различия:	яйцеродящие	черверодящие	
многоногие	мягкотельные, мягкокорлупные	насекомые	насекомые
безногие	—	насекомые	черепокожие

Таблица 3

Бескровные животные			
мягкие снаружи, твердые внутри	твёрдые снаружи, мягкие внутри		твёрдые снаружи и внутри
	твёрдость, которая раздавливается, но не ломается	твёрдость, которая ломается, но не раздавливается	
мягкотельные	мягкокорлупные	черепокожие	насекомые

В I разделе статьи при комментировании *Hist. An.* I 1 мы уже отметили, что Аристотель различает среди подобочастных частей (гомеомерий) мягкие и твердые. Именно это различие Аристотель и принимает для разделения бескровных животных. При этом он отмечает, что «различие» (отличительный признак) «мягкие снаружи, твердые внутри» присуще и животным с кровью (*Hist. An.* IV 1, 523b1–5). Получается, что «различия», которые Аристотель принимает для животных с кровью, отчасти распространяются и на бескровных животных; «различия» же, которые он принимает для бескровных животных, отчасти распространяются и на животных с кровью. Однако первые из этих «различий» определяют «великие» роды животных с кровью, но не определяют роды бескровных, а вторые – наоборот. Если ранее мы отметили, что роды «четвероногих живо-и яйцеродящих» не соответствуют ни одному из трех «таксонов» Аристотеля («великие» роды, роды и виды, единичные виды), то сейчас то же самое надо отметить и в связи с родами животных «с кровью» и животных «бескровных». Ведь эти роды должны были бы быть «более великими», чем «великие» роды. В то же время, если род «четвероногих живородящих» не есть «великий» род, потому что объемлет анонимные «виды видов» (что мы уже выяснили), то роды животных «с кровью» и животных «бескровных» объемлют поименованные «великие» роды. Сами же роды животных «с кровью» и «бескровные» Аристотель называет анонимными (*Part. An.* I 3, 642b15–16), т.е. наименования «с кровью» и «бескровные» суть наименования «различий», но не разрядов животных, получающихся на основании выделения этих «различий». Вновь возникает вопрос: что же это за разряды?

Комментарий к *Hist. An.* I 6, 491a7–26. Эта часть главы начинается следующим фрагментом (491a7–14): «Таким образом, ныне [все] это сказано “в первом приближении” (*en tūpōi*) ради предвосхищения того, какие и сколько [родов и видов] надо теоретически рассмотреть; в последующем мы скажем [все это] точно (*di' akribēias*), когда прежде примем присущие [родам и видам] различия и сопутствующее всем [родам и видам]. После же этого надо попытаться найти его [т.е. этого сопутствующего] причины. Ибо так естественно творится метод [т.е. путь познания], если присуща [т.е. есть] история, касающаяся каждого, из нее становится очевидным, о которых из которых должно быть доказательство».

В этом фрагменте мы вновь встречаемся с дистинкцией «в первом приближении – точно», о которой у нас уже шла речь при комментировании *Hist. An.* I 1. В проанализированной нами ранее главе *Hist. An.* I 1 речь шла о том, что сначала надо рассмотреть нечто, касающееся животных вообще (рассмотрение «в первом приближении»), а затем – то же самое, но в связи с определенными родами и видами животных. Здесь же речь идет о том, что после выделения «в первом приближении» «великих» родов далее надо более внимательно посмотреть на то, что присуще этим родам и видам, а именно, отчетливо разграничить, что из присущего выступает в качестве «различий», а что в качестве «сопутствующего». «Различия» рода, согласно Аристотелю, присущи в сущи. Дистинкцию «присущего в сущи» и «сопутствующего» мы рассмотрели в нашей статье «Аристотелевский эссециализм и проблема “формулировки проблем”» [14]. Поэтому сейчас лишь напомним, что «присущее в сущи» (в том числе «различия») есть то, что составляет сущность и входит в определение, а «само по себе сопутствующее» есть то, что присуще необходимо, но не содержится в сущности и не входит в ее определение. Применительно к «сопутствующему» правомерно задать вопрос: почему оно сопутствует? Именно об этом и пишет Аристотель в комментируемом нами фрагменте: после разграничения «различий» и «сопутствующего» «надо попытаться найти... причины [сопутствующего]». «История, касающаяся каждого [рода и вида]», о которой пишет Аристотель в последнем предложении фрагмента, как мы уже отмечали в нашей предыдущей статье, означает «знание фактов, добытых путем не учительской, а собственной активности» [15]. Далее в этом же предложении «о которых» означает «о которых родах и видах», а «из которых» означает «положения, которые войдут в доказывающий силлогизм в качестве посылок». Дело в том, что причинное объяснение, согласно Аристотелю, имеет форму доказывающего силлогизма, средний термин которого оказывается причиной присущности одного крайнего термина силлогизма другому.

При комментировании *Hist. An.* I 2–5 мы задали оставшийся тогда без ответа вопрос: разделение животных на живо-, яйце- и черверодящих производится Аристотелем на основании образа жизни, действий, нравов или частей либо как-то иначе? Там же мы отметили, что сам Аристотель отсылает читателя за дальнейшими пояснениями по этому вопросу к *Gen. An.* Последовав его совету, мы увидим, как происходит «уточнение» родовидовых разделений, после того как эти разделения

были проделаны в *Hist. An.* I 6 «в первом приближении». Аристотель «уточняет» эти разделения в *Gen. An.* II 1, 732b25–733b23. Но прежде чем показать, как он это делает, полезно напомнить читателям некоторые положения биологии Аристотеля, касающиеся «дыхания» и «легкого», так как именно эти положения будут привлекаться Аристотелем для решения интересующей нас проблемы.

Вообще, Аристотель исходил из того, что с материальной точки зрения все образуется из четырех «простых тел»: земли, воды, воздуха и огня. В качестве начал этих «простых тел» Аристотель принимал некую протоматерию (точнее, «ощущаемую материю в возможности») и противности «теплого» и «холодного», «влажного» и «сухого» (см. его сочинение «О возникновении и уничтожении» II 1–8). Те же противности Аристотель рассматривает и в связи с биологическим миром, а именно, он понимает жизнь как преобладание «теплого и влажного», а смерть как преобладание «холодного и сухого». «Теплота», согласно Аристотелю, выступает в качестве «движущей силы» живого существа (*Gen. An.* II 1, 732a18–20). Поскольку живые организмы связаны с некоей «теплотой», возникает проблема «тепловой регуляции», в том числе проблема «охлаждения» живых организмов.

Об этом Аристотель пишет, в частности, в работе «О дыхании» (*Juv.* 7–22). Он считал, что «охлаждение» у животных бывает воздушным и водяным, при этом и то, и другое может быть внутренним (вбириение воздуха или воды внутрь организма) и внешним (охлаждение организма посредством внешних воздуха или воды без вбириения их внутрь организма). Наиболее «теплые» животные охлаждаются воздухом посредством дыхания, а органом охлаждения выступает легкое. Менее «теплые» животные охлаждаются водой посредством вбириения ее внутрь, а органом этого вбириения выступают жабры (животные с жабрами, согласно Аристотелю, не дышат). Наименее «теплые» животные не имеют ни легкого, ни жабр и не вибрируют в себя ни воздуха, ни воды, а охлаждаются внешней средой, будь то воздушная или водная. Легкие, по Аристотелю, бывают двух видов: или полнокровные и мягкие, или малокровные (либо даже бескровные) и твердые. Часто Аристотель различает их как легкое «с кровью» и «губчатое» (хотя следовало бы отметить, что, согласно ему же, всякое легкое «губчатое»). Отметим также, что, согласно Аристотелю, при воздушном охлаждении животные вдыхают в себя не воздух, а пневму. Но мы не будем в данной статье поднимать вопрос о различии воздуха (*aer*) и пневмы (*pneuma*).

А теперь обратимся к комментированию *Gen. An.* II 1, 732b25–733b23, где Аристотель ищет причины живо-, яйце- и черверождения. В связи с живорождением он рассуждает в этом фрагменте следующим образом: совершенное возникает от совершенного; животное совершенно, яйцо и черви несовершены; причина живорождения – более совершенная природа и причастность более чистому началу (более совершенна та природа, которая теплее, влажнее и менее землиста; более чистое начало – пневма). Отметим, что Аристотель в данном случае рассматривает дополнительные разделения животных, которые ранее мы не учитывали. Во-первых, наряду с живо- и яйцеродящими он рассматривает теперь животных, которые в себе вынашивают яйца, а наружу производят уже живых детенышей. К таковым он относит гадюку и род селахий. О гадюке, которую имеет в виду Аристотель, В.П. Карпов пишет следующее: «В Греции водится гадюка песчаная (*Vipera ammodytes*), которая прямо рождает живых детенышей; гадюка обыкновенная (*V. berus*) откладывает яйца, из которых сейчас же выходят развитые змейки» [16]. «Селахиями» на греческом языке и соответственно у Аристотеля называются животные с жабрами, безногие, но живородящие (*Hist. An.* III 1, 511a5–6). Имеется в виду вынашивание яиц внутри организма и порождение наружу уже живых детенышей. Согласно современной номенклатуре, речь идет о «хрящевых» рыбах в отличие от «костистых». Первые отличаются от вторых, в частности, тем, что у них нет чешуи, поэтому Аристотель часто называет «костистых» рыб «чешуйчатыми», чтобы различать их с «салахиями». Во-вторых, Аристотель, хотя и считает яйцо несовершенным по сравнению с живым детенышем, среди самих яиц различает совершенные и несовершенные: совершенные яйца после их порождения наружу больше не растут, а несовершенные продолжают расти после порождения наружу.

Итак, содержание фрагмента *Gen. An.* II 1, 732b25–733b23 позволяет подытожить аристотелевское разделение животных по способу размножения, построив соответствующую таблицу (табл. 4).

Здесь надо отметить, что сам Аристотель делит в данном случае животных, возникающих от спаривания, на животных с кровью и бескровных. Разделение животных на животных с мясными или мясоподобными «тканями» и без мясоподобных «тканей» мы добавили сами. Дело в том, что по непонятным для нас причинам Аристотель в данном случае относит к бескровным животным только насекомых, а мягкокорлупные и мягкотельные животные оказываются среди животных с кровью, хотя он

везде рассматривает мягкотелых и мягкоскорлупных животных в качестве бескровных. Введение различия между животными с мясными и мясо-подобными «тканями» (т.е. гомеомериями) и животными без них позволяет снять это «недоразумение».

Таблица 4

Животные, возникающие от спаривания			
	животные с кровью (или же животные с мясными либо мясоподобными «тканями»)		бескровные животные (или же животные без мясоподобных «тканей»)
	теплее	холоднее	самые холодные
влажнее	I. живородят: львы, лошади и т.п.; человек; китообразные	II. вынашивают яйца в себе и живородят наружу: селяхии; гадюка	V. черверодят: насекомые
сухие	III. порождают совершенные яйца: ящерицы и т.п.; птицы; змеи (кроме гадюки)	IV. порождают несовершенные яйца: чешуйчатые рыбы; мягкоскорлупные; мягкотелые	

Аристотель рассматривает здесь способы репродукции не как «различия», присущие животным в сути, а как «сопутствующее» им и ищет и находит причины для живо- и яйцерождения. Разряды животных, образовавшиеся в связи с рассмотрением сопутствующих им способов репродукции, не соответствуют естественным родам. Так, в одном разряде оказались человек и китообразные, птицы и змеи. В статье «Аристотелевский эссеенциализм и проблема “формулировки проблем”» [17] мы показали, что субъект высказывания, которое выражает «сопутствование», может не быть естественным родом или видом, поэтому Аристотель сначала называет такие логические подлежащие (субъекты) «гипотетическими общими родами», а в конечном итоге – «первыми универсальными» (что следует отличать от естественных «родов» и «видов»).

Но если разделение животных по способу репродукции не выступает в качестве родовидового, то имеет ли оно какое-либо отношение к «уточнению» родовидового разделения? Ключ к выявлению дальнейшей направленности мысли Аристотеля дают нам следующие слова в том же фрагменте *Gen. An.* II 1, 732b25–733b23: «...Межой же для естественной теплоты [оказывается] легкое, [а именно, то], которое с кровью; ибо вообще [животные], имеющие легкое, теплее не имеющих [его], а из них, [т.е. из имеющих, теплее те, у которых легкое] с кровью и мягкое, а не губчатое, твердое и малокровное» (732b32–733a1). Получается, что при «уточнении» родовидовых разделений животных Аристотель принимает в качестве «различия» именно органы «охлаждения» (вместо способов репродукции, которые он рассматривал как «различия» при разделениях животных «в первом приближении», и которые признал в конечном итоге «сопутствующим», а не «различием»). О том, что именно «легкое» входит в сущность животных, Аристотель в явном виде пишет в *Juv.* 19 (12), 477a23-25 и *Part. An.* III 6, 669b11–13. Так, в первом из этих фрагментов читаем: «Так что само [легкое] надо полагать причиной сущности и этого [т.е. человека], и иных [животных], как [и] кое-какие иные части» (477a23–25). Обратим внимание: Аристотель говорит здесь о «причине сущности», а не о причине «сопутствующего», т.е. он говорит о «присущем в сути». «Кое-какие иные части», упомянутые в данном фрагменте, – это те части, которые Аристотель наряду с легким принимает в качестве «причины сущности», т.е. «кровь» и «ноги». Итак, получаем «уточненное» разделение животных, представленное в таблице 5 (при составлении этой таблицы мы ограничились только животными с кровью).

Таблица 5

Животные с кровью			
Различия:	легкое с кровью	губчатое легкое	жабры
четвероногие	львы, олени, лошади и т.п.	ящерицы, лягушки и т.п.	тритон
двуногие	человек	птицы	–
безногие	китообразные	змеи (в том числе гадюка)	чешуйчатые рыбы, селакии

Если мы сравним таблицу 5 с таблицей 1, то увидим, в чем заключается «уточнение», произведенное Аристотелем. Если бы мы попытались внести в таблицу 1 гадюку и селахий, то нам пришлось бы поместить их как «живородящих безногих» в один разряд с китообразными. В таблице 5 селахии, как и подобает, оказываются в одном разряде с чешуйчатыми рыбами, т.е. в «великом» роде рыб; змеи же образуют отдельный разряд, и вместе с ними оказывается гадюка (опять же, как и подобает). Согласно таблице 5 отдельным «простым видом» (т.е. видом, не входящим в какой-либо «великий» род) оказываются тритоны, которые имеют жабры, но делают «вылазки за добычей» на сушу, в связи с чем имеют ноги.

Итак, в конечном итоге все родовидовые разделения животных производятся Аристотелем на основании частей: по наличию крови, органа «охлаждения» и ног (как органов перемещения). А теперь давайте вернемся к комментированию *Hist. An.* I 6, 491a7–26. В последующем за только что прокомментированным нами фрагменте *Hist. An.* I 6 Аристотель пишет именно то, к чему мы сейчас пришли (491a14–19): «Сначала надо принять части животных, из которых они образуются. Ибо целые [животные] больше всего и прежде всего различаются на основании их: или благодаря их обладанию и необладанию, или благодаря их положению и порядку, или на основании прежде названных различий (по виду, превышению, аналогии, противности состояний)».

О том, что животные разделяются на виды именно по своим частям, Аристотель говорит также в «Политике» IV, 1290b25–38. Таким образом, в основании аристотелевского родовидового «классифицирования» животных оказывается сравнительная анатомия. Однако метод аристотелевской сравнительной анатомии отличается от метода современной сравнительной анатомии, поэтому прямых параллелей между ними проводить не следует [18].

Итоговый комментарий к *Hist. An.* I 6. У нас остался без ответа вопрос, сформулированный при комментировании *Hist. An.* I 6, 490b19–491a6: если Аристотель имеет в виду три «таксона» («великие» роды, роды как виды видов и единичные виды), а роды «четвероногих животных яйцеродящих» не соответствуют ни одному из них, то что это за «роды»? Ответ на этот вопрос мы дадим вместе с решением апории, которую применительно к современной классификационной проблеме С.С. Розова формулирует следующим образом: «Что это (имеется в виду “основание классификации”. – *E.O.*): основание объективной

дифференциации природных явлений, или основание человеческой классообразующей деятельности, или то и другое одновременно?», т.е. является ли разделение рода по различиям открытием объективного положения дел или лишь логической операцией (призванной «“порождать” классы объектов создаваемой классификации»)? [19]

Протагор в свое время полагал, что человек – мера всех вещей. Его мнение можно было бы истолковать в свете проблемы, сформулированной С.С. Розовой, как довод в пользу второго варианта решения этой проблемы: основание классификации есть «основание человеческой классообразующей деятельности». Аристотель же рассуждает так: когда Протагор говорит «человек есть мера всех вещей», он говорит «то, что мнится каждому, то и достоверно (*pagiōs*)» (*Met.* XI 6, 1062b12–19). Аристотелевские доводы против этого тезиса мы можем найти в краткой редакции здесь же, в *Met.* XI 6, а в более пространной – в *Met.* IV 5–6. В данном случае мы обратим внимание только на некоторые из аристотелевских доводов, а именно, на следующие: те, кто считает, что все феномены истинны, приняли за сущее только чувственно воспринимаемое, а чувственно воспринимаемое неопределенно (5, 1010a1–7); те, кто вслед за Гераклитом приняли, что «все течет, все изменяется», не учли, что «одна лишь окружающая нас область чувственно воспринимаемого постоянно находится в состоянии уничтожения и возникновения; но эта область составляет, можно сказать, ничтожную часть всего» (5, 1010a25–32). Аристотель помимо чувственно воспринимаемого принимает также умопостигаемое, т.е. эйдосы. То, что изменяется по количеству, мы познаем на основании эйдоса (5, 1010a22–25). Именно эйдосы (а не феномены), согласно Аристотелю, задают определенность познаваемым сущностям. А в *Met.* X 1, 1053a31–33 Аристотель добавляет, что *эпистема* и чувственное восприятие человека «скорее измеряются [внешне заданной мерой], чем измеряют [ее]».

В статье «Аристотель об основаниях классификации» мы уже рассмотрели вопрос о том, какие, согласно Аристотелю, эмпирические деления и каким образом предшествуют в познании (классификации) разделению родов на виды по различиям, а также проблему «осмыслиения феноменов» и, тем самым, вопрос о месте и роли феноменов и эйдосов в определении видов. Рассмотренные нами главы *Hist. An.* I 1–6 позволяют вернуться к этому вопросу еще раз с учетом реального аристотелевского познания в области зоологии.

Аристотель исходит из того, что виды животных, эйдосы которых надлежит постичь, заданы нашему уму извне. Проблема состоит в том, как нам эти эйдосы постичь. В *Hist. An.* I 1–6, приступая к «классификации» животных, Аристотель прежде всего «в первом приближении» рассматривает самые разные «различия», а также «виды рода», которым эти «различия» могли бы быть присущи в сути. Некоторые виды животных, считает Аристотель, входят в «великие» роды, некоторые не входят (оставаясь «простыми видами»). При этом одни роды Аристотель принимает как эмпирически выделенные, признает их «великими» и не подвергает сомнению их существование. Другие роды, которые в контексте нашего обсуждения можно было бы назвать «классами», он фактически «порождает» посредством «различий», говоря при этом, что таких «великих родов» нет. Именно к таким «логически порожденным классам» животных мы бы и отнесли как живо- и яйцеродящих четвероногих животных, так и животных с кровью и бескровных.

В статье «Аристотель об основаниях классификации» мы показали, что в качестве гносеологического подхода Аристотеля к определению видов можно рассматривать его различение поиска *бытия и сути* (или же *причины*), т.е. поиска ответов на вопросы «*есть ли* нечто (или же *что есть*)» и «*что есть* (или же *почему есть*)». Речь шла о дистинкции «*ei esti* (или же *to hoti*, “то хоти”) – *to ti esti* (или же *to dioti*, “то диоти”)» [20]. Для Аристотеля признать существование «великого рода» – значит утвердительно ответить на вопрос, *есть ли* этот род, а чтобы дать утвердительный ответ, требуется соответствующее эмпирически полученное обобщение, имя которого указывало бы на «экстенсионал». Это эмпирическое обобщение может быть и анонимным. Один же «интенсионал» без «экстенсионала» в качестве рода Аристотель не признает. «Животное живородящее четвероногое» остается лишь «интенсионалом». То есть, согласно Аристотелю, мы, не зная «*есть ли*», можем знать лишь «*что*», но не «*что есть*». Для того чтобы различие рода стало определением вида (или же «вида видов», или рода), требуется эмпирически обнаруженный вид (или род). В случае наличия «великих родов» мы можем принимать определения самих «великих родов»; в случае отсутствия «великого рода» для того или иного вида нам надлежит принять определение сразу для этого вида. В определение вида входят род и его различия. Если «великого рода» для вида нет, то в качестве рода в его определение

входит «животное вообще», а в качестве различий наряду с собственно с видовыми «различиями» войдут и те, которыми мы «породили класс».

Если мы приняли исчерпывающий ряд «великих родов» и «логически порожденных классов» животных, а также присущие им «различия», следует ли из этого, что мы познали эйдосы? При ответе на этот вопрос надо помнить об аристотелевской дистинкции рассмотрения видов и родов «в первом приближении» и «более точно». Какие бы «различия рода» и соответствующие им «виды рода» мы ни приняли, гарантии, что мы тем самым «точно» познали эйдосы, нет. Ибо всегда возможно (а иногда просто необходимо) дальнейшее «уточнение». «Уточнения» же могут не только «уточнять» логос видов, но и изменять само разделение животных на роды и виды.

Теперь мы можем определиться с аристотелевским решением проблемы, сформулированной С.С. Розовой. Основания классификации (т.е. различия рода), согласно Аристотелю, призваны не столько «“порождать” классы объектов создаваемой классификации», сколько открывать объективное положение дел. Разделение родов на виды на основании различий выходит у Аристотеля за рамки собственно логики (логического деления понятия). У него это скорее эмпирический поиск с участием «ума», который «осмыслияет феномены» посредством метакатегорий и усматривает «различия». Установленные родовидовые отношения оказываются в таком случае продуктом взаимодействия «опыта» и «ума». Если иметь в виду две альтернативы, присутствующие в проблеме С.С. Розовой, то кратко ее решение могло бы быть следующим: согласно Аристотелю, основанием классификации являются «то и другое одновременно».

В аналитической философии отчасти сходный с аристотелевским подход предложили сторонники «новой теории референции» (которую также называют «теорией твердых десигнаторов»). Так, А.В. Хлебалин пишет: «...Согласно концепции терминов естественных видов как твердых десигнаторов, сущность объектов, составляющих экстенсиональ терминов естественных видов, открывается наукой, а не выводится аналитическим способом из дефиниции термина и выражается при помощи необходимо истинных синтетических утверждений» [21]. В соответствии с этим подходом утверждение о том, «что золото – вещество с атомным номером 79, является эмпирическим открытием» [22].

III

А теперь давайте обратимся к разделению животных на «водных, сухопутных и “воздушных”». Аристотель прежде всего разделяет животных на водных и сухопутных: «в первом приближении» – в *Hist. An.* I 1, 487a14–487b32, а «более точно» – в VIII 2, 589a10–590a18.

«В первом приближении» Аристотель рассуждает так: водными мы называем тех животных, которые питаются в воде и вбирают в себя воду, и тех, которые питаются в воде, но вбирают в себя воздух (т.е. дышат). Позднее, при «более точном» рассмотрении, он установит, что животные «вбирают в себя воду» по двум причинам: или с помощью жабр для охлаждения, или для питания (когда корм принимается вместе с водой). Но пока это различие им не учитывается. Выделяет Аристотель и еще одну группу животных: тех, которые не вбирают в себя ни воздух, ни воду. Среди таковых он называет и водных (акалефа, устрица), и сухопутных (насекомые) животных. Некоторые животные, отмечает Аристотель, на разных стадиях онтогенеза бывают то водными, то сухопутными. Результат аристотелевского разделения «в первом приближении» водных и сухопутных животных можно свести в таблицу, – это табл. 6. Чтобы не усложнять ее, мы не учитываем в ней разряды животных, которые не вбирают в себя ни воздуха, ни воды и бывают то водными, то сухопутными на разных стадиях онтогенеза.

Таблица 6

сухопутные (<i>chersaioi</i>), или же пешие (<i>peza</i>)		амфибии: и сухопутные, и водные			водные			
питаются на суше		питаются в воде						
		вбирают воздух						
пешие	летающие	пешие	летающие	безногие	ходячие	плавающие		
человек	птицы	бобр, крокодил	айтюйя, поганка	уж	крабы	рыбы, мягко- тельные, мягко- скорлупные		

Как видно из табл. 6, разделение животных на водных и сухопутных меняется в зависимости от того, какое значение мы им придаляем. Если к водным животным относить тех, которые не только вбирают в себя воду, но и питаются в воде, то в разряд водных попадут и амфибии, а если относить к ним только вбирающих в себя воду, то амфибии окажутся среди сухопутных животных. Отметим, что при разделении животных на водных и сухопутных «в первом приближении» Аристотель не ставит вопрос о месте в этом разделении китообразных.

При «более точном» разделении Аристотель также исходит из двойственности деления животных на водных и пеших: по способу «охлаждения» (водяное или воздушное) и по месту питания (в воде или на суше). При этом он вновь сталкивается с проблемой амфибий. Разница с предыдущим разделением состоит только в том, что здесь уже учитывается способ «охлаждения» животных. Для дальнейшего «уточнения» Аристотель ставит вопрос о дельфинах и прочих китообразных. Дело в том, что эти животные вбирают в себя и воду, и воздух. Аристотель устанавливает, что воздухом они дышат, а воду вбирают ради питания, т.е. принимают в себя корм вместе с водой (которую затем выпускают через специальную трубку). Вводит он и третий вариант разделения животных на водных и сухопутных – в зависимости от «смешения тела (*krasis*) и образа жизни», как выражается сам Аристотель (в 589b22–23, а также в 590a13–18). Ибо, согласно Аристотелю, место обитания животного зависит от его питания, а питание – от материи, которая входит в состав того или иного вида животного еще в эмбриональный период (590a8–12). Третий вариант разделения вводится ради одного тритона, который живет в воде и «охлаждается» водой, но пищу добывает на суше. Об этом у нас уже шла речь при рассмотрении аристотелевского «уточнения» родовидного разделения животных (см. табл. 5). Результат «уточненного» разделения животных на водных и сухопутных можно представить в виде табл. 7 (в данном случае мы учитываем только животных с кровью).

В конечном итоге Аристотель относит животных к водным по трем основаниям: 1) вбирающие в себя воду (будь то для «охлаждения» или питания); 2) из-за «смешения тела и образа жизни» (касается только тритона); 3) питающиеся в воде (590a13–18). В таблице 7 учитываются только первое и третье основания, второе – для тритона – не учитывается. Получается, что к водным животным Аристотель относит рыб, китообразных, часть четвероногих живо- и яйцеродящих, а также

часть птиц. Во II разделе статьи мы рассмотрели аристотелевское родовидовое разделение животных с кровью «в первом приближении» (см. табл. 1) и «более точное» (см. табл. 5). Разделение животных, представленное в табл. 7, корректнее сравнивать с табл. 1, а не табл. 5. Ибо табл. 5 построена на материалах трактата «О возникновении животных», а не на материалах «Истории животных». Таблица же 7, как и табл. 1, построена на материалах «Истории животных». Хотя сравнение ее с табл. 5 тоже допустимо. Если мы сравним табл. 7 с табл. 1 (или табл. 5), то разница между родовидовым разделением животных и их разделением на водных и сухопутных станет очевидной. Это разные разделения.

Разница заключается в том, что родовидовое разделение животных и их разделение на водных и сухопутных (и далее сухопутных на пеших и летающих) по-разному группируют животных. Разделение животных на водных и сухопутных не соответствует их разделению на «великие роды» и соответствующие по уровню «классы» (имеются в виду «классы» четвероногих живо- и яйцеродящих). Только человек и рыбы целиком входят в то или иное разделение. Остальные «великие роды» и «классы» частично попадают в одно разделение, частично – в другое. Можно с уверенностью сказать, что Аристотель при родовидовых разделениях животных не учитывает их разделение

Таблица 7

Животные с кровью			
	сухопутные, ибо вбирают воздух	водные, ибо вбирают воду	
		для питания	для охлаждения
сухопутные, ибо питаются на суще	человек, четвероногие живородящие, четвероногие яйцеродящие, птицы	–	–
водные, ибо питаются в воде	четвероногие живородящие, четвероногие яйцеродящие, птицы, китообразные	китообразные	рыбы

на водных, сухопутных и «воздушных». Прежде чем определиться с тем, что же это за разделение, полезно хотя бы кратко остановиться на остальных разделениях животных, которые Аристотель рассматривает в *Hist. An.*

IV

Разделения животных по частям, образу жизни, праксисам и нравам в связи с каждым родом и видом. Б.А. Старостин предложил следующее тематическое разделение «Истории животных» Аристотеля: «Трактат может быть условно разбит на три части, в каждой из которых его предмет... рассматривается под особым углом зрения. К первой части следует отнести анатомо-физиологические книги первую–четвертую, где рассматривается деление организма на ткани и органы; ко второй – книги пятую–седьмую, посвященные эмбриологии и онтогенезу. Третья часть – книги восьмая–девятая (десятая стоит особняком...) – этология и экология» [23]. С точки зрения современного читателя такой подход, вероятно, имеет право на существование. Однако, как мы выяснили при комментировании *Hist. An.* I 1, Аристотель, согласно первоначальному замыслу, собирался рассмотреть различия животных по частям, образу жизни, *праксисам* и нравам сначала «в первом приближении», а затем «более точно» в связи с каждым родом и видом. Если исходить из этого замысла, то в предложенное тематическое разделение можно было бы внести некоторые уточнения.

Так, Дж.Э.Р. Ллойд предлагает следующую разбивку *Hist. An.* на тематические разделы: I 1–6 – предварительный общий очерк (the preliminary sketch), I 7–IV 7 – различия животных по частям, V–VIII – различия животных по образу жизни и *праксисам*, IX – различия животных по нравам. X книгу Ллойд в этом ряду не учитывает, считая, как и Старостин, что она стоит в трактате особняком. Он также отмечает, что «в каждом из этих главных разделов есть отступления, не согласующиеся с этой упрощенной схемой» [24]. От себя добавим, что в «предварительном общем очерке» речь идет о рассмотрении различий животных и введении их родов «в первом приближении», а в последующих разделах – о «более точном» рассмотрении различий животных в связи с каждым родом и видом. Далее мы дадим краткий комментарий к каждому из выделенных разделов.

В *Hist. An.* I 7 – IV 7 Аристотель «более точно» рассматривает различия по частям в связи с каждым родом и видом. В этих главах, судя по всему, предлагается «классификация» уже не животных («целых животных», как выражается сам Аристотель), а именно их частей. В «Метафизике» (*Met.*) Аристотель называет части животных среди «очевиднейших» и «общепринятых» сущностей (животные, растения, небо и их части) [25]. У читателя может возникнуть вопрос: так что же, собственно, является сущностью – целое животное или его части? Аристотель, полагая, что «невозможно, чтобы сущность была из внутренне присущих ей действительных (энтелехиальных) сущностей» (*Met.* VII 13, 1039a3–4), уточняет, что части животных являются сущностями лишь в возможности (*Met.* VII 16, 1040b5–10). Однако это не мешает ему рассматривать в биологических сочинениях части животных как сущности. В *Met.* подход, при котором рассматриваются «очевиднейшие» и «общепринятые» сущности, представлен в главах VII 17 и VIII 1–6.

Прежде чем обратиться к последующим книгам «Истории животных», полезно определиться с тем, как соотносятся между собой аристотелевские «различия» животных по образу жизни, *праксисам* и нравам. Полезную информацию по этому вопросу мы можем найти в главах *Hist. An.* I 1 и VIII 1.

В *Hist. An.* I 1, как мы уже отмечали, Аристотель сначала пишет о различиях по образу жизни, *праксисам* и нравам вместе, и в этом случае он имеет в виду разделение животных на сухопутных и водных. Затем он пишет о различиях по образу жизни и *праксисам* и наконец – о различиях по нравам.

В VIII 1 Аристотель пишет, что «*праксисы* и образы жизни различаются в связи с (*kata*) нравами и пищей» (588a17–18; отметим, что греческий текст позволяет сделать и такой перевод: «*праксисы*, т.е. образы жизни...»), после чего использует выражение «*праксисы* образа жизни» (*ta tou biou praxeis*) (588b23–24). Сначала он называет «творение другого», т.е. репродукцию, и для растений, и для животных «демом» (*ergon*) (588b24–27), а затем – «*праксисом*» (588b27–28). Далее Аристотель пишет, что образы жизни животных «различаются и касательно совокупления... и касательно порождения и выкармливания потомства» (588b28–30). Наконец он заключает: «Одну часть жизни (*zōēs*) [составляют] их *праксисы*, касающиеся деторождения, другую – касающиеся пищи» (589a2–5). В качестве «общего знаменателя» для всех этих суждений и замечаний можно принять следующее:

в центре внимания Аристотеля – образ жизни животных (*ho bios*), образ жизни животного слагается из совокупности свойственных ему *праксисов* («*праксисы* образа жизни»).

В.П. Зубов перевел в 588b28–30 *hoi bioi* («образы жизни») как «жизненная деятельность» [26]. Б.А. Старостин по этому поводу замечает, что В.П. Зубов перевел «несколько вольно, но, быть может, правильно» [27]. Аристотель использует связку «образ жизни и *праксисы*» для обозначения именно жизнедеятельности животных, которая, в свою очередь, связана с питанием и размножением и зависит от нравов животных. Поэтому в конечном итоге в *Hist. An.* V–IX Аристотель ведет речь о различиях животных по образу жизни и *праксисам*, связанным, во-первых, с репродукцией, во-вторых, с питанием и, в-третьих, с нравами.

Дж.Э.Р. Ллойд справедливо указывает, что различия животных по нравам Аристотель рассматривает в *Hist. An.* IX, и мы не будем далее комментировать эту книгу. А вот комментарий к V–VIII книгам желателен, поскольку Ллойд лишь указывает, что в них рассматриваются различия животных по образу жизни и *праксисам*. Согласно уже сделанному нами уточнению, речь в этих книгах должна идти о различиях жизнедеятельности животных, связанных с репродукцией и питанием.

Аристотель «более точно» рассматривает различия животных по образу жизни и *праксисам*, связанным с питанием, в *Hist. An.* VIII. Однако содержание VIII книги имеет некоторые «осложнения». Глава VIII 1 служит своего рода введением для книг *Hist. An.* VIII–IX. В первой части главы VIII 2, а именно, во фрагменте 589a10–590a18, Аристотель проводит «более точное» разделение животных на водных и сухопутных, которое мы уже проанализировали в III разделе статьи. И только начиная со строки VIII 2, 590a18 рассматриваются различия, связанные с питанием. В явном виде это рассмотрение продолжается до VIII 11, 596b18, а в оставшихся главах книги Аристотель рассматривает влияние на жизнедеятельность животных мест обитания и сезонных климатических изменений. Рассматриваются также заболевания животных как в связи с сезонными климатическими изменениями, так и безотносительно к ним.

В *Hist. An.* V–VII, согласно самому Аристотелю, рассматривается «возникновение животных» (*peri... ἕπει γενεσεῖσιν αὐτῶν*) (V 1, 538b28–539a2). Однако о чем реально идет речь в *Hist. V–VII*? Если для начала ограничиться книгами V–VI, то можно с уверенностью сказать, что речь в этих книгах идет главным образом о времени и способах спаривания животных, об особенностях поведения животных в период

вынашивания потомства и заботы о нем в первое время, а также о некоторых смежных вопросах. За пределами V–VII книг, а именно, в VIII книге, как мы выше отметили, Аристотель пишет о праксисах животных, касающихся «совокупления... порождения и выкармливания потомства». Главное содержание V–VI книг дает основание утверждать, что в них- рассматриваются именно такие праксисы.

Некоторые вопросы возникают по поводу VII книги. Б.А. Старостин пишет: «*В книге седьмой* речь идет о размножении человека, в этом смысле она вполне уместна после пятой и шестой, но выпадает из контекста в связи с чисто медицинским подходом в изложении материала» [28]. В связи с этим комментарием Б.А. Старостина хотелось бы отметить следующее. Вообще, с нашей точки зрения, «медицинский подход» не чужд «Истории животных». Ибо весь трактат так или иначе пронизан интересом рыболова и рыбовода, охотника и животновода, ветеринара и врача (не в последнюю очередь – акушера и гинеколога). Более того, даже рассмотрение частей животных, которому посвящена изрядная часть сочинения, имеет вполне определенное отношение к медицине. Рассмотрев внешние части человека (*Hist. An.* I 7–15) и приступая к рассмотрению внутренних, Аристотель пишет, что внешние части человека нам наиболее известны, а внутренние «среди [частей] человека наиболее нам неведомы, так что их надо рассматривать, сводя к частям иных животных, которые имеют одинаковую природу» (I 16, 494b19–24). Б.А. Старостин поясняет, что во времена Аристотеля существовал религиозный запрет на вскрытие человеческих тел [29]. А поэтому, добавим от себя, Аристотель и предлагает исследовать анатомию и физиологию человека по аналогии с анатомией и физиологией животных, поскольку анатомирование последних вполне доступно. За интересом к анатомии и физиологии человека стоит интерес врача.

Чем отличается VII книга от книг V и VI? Тем, что Аристотель, обращаясь к рассмотрению «возникновения человека», не рассматривает способы совокупления мужчин и женщин и особенности отношений мужа и жены во время беременности жены, т.е. не рассматривает те праксисы, которые он рассматривал применительно к животным (и которые могли бы представить интерес для охотника и животновода). В связи с возникновением человека Аристотель уделяет внимание другим вопросам: признакам половой зрелости юношей и девушек, признакам зачатия, протеканию беременности, родам и т.д. В то же время, если все содержание трактата «История животных» сводить к рассмотрению заявленных

Аристотелем различий, то можно сказать, что в VII книге он делает некое «отступление». И это не единственное «отступление», – к таковым можно отнести и главы IV 8–11.

С нашей точки зрения, различия животных по частям и, тем более, по образу жизни, *праксисам* и нравам, т.е. элементы систематизации, присутствующие в *Hist. An.*, являются для Аристотеля не самоцелью, а средством и условием рассмотрения интересующих его вопросов из жизни животных и человека, средством систематизации этого рассмотрения.

Соотношение разделений животных по частям, образу жизни, праксисам и нравам с родовидовым разделением. Современные специалисты по классификационной проблеме различают классификации естественные и искусственные. Согласно «Логическому словарю» Н.И. Кондакова, «естественная классификация – классификация, в основе которой находится существенный признак, определяемый природой изучаемых предметов и явлений, их “естеством”, в отличие от искусственной классификации..., в основе которой лежит признак, имеющий значение с практической точки зрения для целей производимого исследования». Далее в этой же словарной статье читаем: «Это разграничение (между естественными и искусственными классификациями. – *E.O.*) часто очень трудно провести. Известно, что вещи проявляют свои свойства в отношениях с другими вещами. То, что было существенно для данных предметов в одних отношениях и в отношениях с некоторыми вещами, то окажется несущественным в других условиях и в отношениях с другими вещами» [30]. С.С. Розова, в свою очередь, отмечает: «Проблема естественной классификации имеет целый ряд аспектов... Один из них – проблема существования объективной таксономической расчлененности природы и возможности ее познания... Второй... состоит в признании... за естественной классификацией особых функций. Эмпирически выявлено, что одни классификации в отличие от других ложатся в основу многосторонних исследований изучаемых объектов, не претерпевая при этом каких-либо существенных перестроек при переходе от исследования одной стороны к исследованию другой... Мы можем признать “естественными” те классификации, которые обладают двумя отмеченными особенностями: устойчивостью и информативностью» [31].

Мы считаем, что правомерно рассматривать аристотелевское родовидовое разделение животных на основании различий по частям,

представленное в *Hist. An.* I 6 и IV 1, как «естественную классификацию» животных, а разделения животных по различиям их жизнедеятельности, представленные в *Hist. An.* V–IX, – как искусственные классификации. Ибо в основе первого разделения лежат различия, присущее в сути («существенный признак»), а в основе вторых, говоря словами Н.И. Кондакова, «лежит признак, имеющий значение с практической точки зрения для целей производимого исследования», а именно, с «практической точки зрения» рыболова и рыбовода, охотника и животновода, ветеринара и врача.

Разницу между естественными и искусственными классификациями при истолковании аристотелевских «классификаций» животных учитывал Ю.Б. Мейер (1855) [32]. Д. Болм пишет, что, согласно Ю.Б. Мейеру, Аристотель выступил против «искусственной» классификации и вместо нее стремился построить «естественную»; при этом Мейер считал, что Аристотель связывал «искусственную» классификацию с разделениями по различиям, а «естественную» – с индуктивными группировками [33]. Получается, что Аристотель отказался от «классификаций» посредством разделения родов по различиям и перешел к индуктивным группировкам. Такое истолкование представляется нам спорным. Во-первых, мы считаем, что Аристотель, различая два способа «классифицирования», не отказался ни от одного из них. Во-вторых, процесс построения «естественной классификации» у Аристотеля включает в себя и «индивидуальные группировки», и разделения родов по различиям [34].

Как относится родовидовое разделение животных («естественная классификация») к их разделениям по различиям жизнедеятельности («искусственным классификациям»)? Родовидовое разделение животных позволяет Аристотелю при рассмотрении жизнедеятельности животных в каждом случае осуществлять в определенном смысле «полную индукцию». Обратимся еще раз к аристотелевским разделениям животных на водных и сухопутных. При таком разделении «в первом приближении» Аристотель ограничивается только отдельными примерами каждого разряда, причем в качестве примеров приводит случайные единичные виды: бобра, поганку, ужа, крабов (хотя в одном ряду с единичными видами «некритически» оказываются и некоторые «великие роды»: птицы, мягкотельые, мягкокорлупные) (см. табл. 6). При «более точном» разделении Аристотель, уже имея исчерпывающий ряд «великих родов» (и соответствующих им по уровню «классов»),

«видов видов» и «простых видов», рассматривает интересующие его различия в связи с каждым «великим родом» (см. табл. 7). Поскольку разряды, возникающие при «искусственных» разделениях, не совпадают по логическому объему с естественными родами, он имеет возможность ввести в рассмотрение «виды видов», «единичные виды», при необходимости и «простые виды», а некоторые различия признать внутривидовыми. При этом родовидовое разделение животных ложится, говоря словами С.С. Розовой, «в основу многосторонних исследований изучаемых объектов, не претерпевая при этом каких-либо существенных перестроек при переходе от исследования одной стороны к исследованию другой».

Особый вопрос возникает в связи с аристотелевской «классификацией» частей животных (*Hist. An.* I 7–IV 7). Является ли эта «классификация» естественной или искусственной? Поскольку части животных – тоже сущности, это «классификация» сущностей, следовательно, «естественная». Поскольку данная «классификация», как и «искусственные классификации», в качестве своей основы имеет родовидовое разделение животных, она в определенном смысле «вторична». Следует ли из этого, что и она «искусственная»? Этот вопрос мы оставим в настоящей статье открытым.

* * *

Итак, положение, согласно которому систематизация в «Истории животных» «основана на морфологических, физиологических (особенности воспроизведения) и экологических (деление животных на водные, сухопутные, “воздушные”) признаках», следовало бы уточнить следующим образом. Аристотель «систематизирует» животных в этом сочинении посредством системы «классификаций», среди которых есть как «естественная (родовидовая) классификация», так и ряд «искусственных классификаций», построенных на основании «естественной». Если дополнить материалы «Истории животных» материалами трактата «О возникновении животных», то можно определенно утверждать, что родовидовое «классифицирование» Аристотель совершает на основании частей животных (см. табл. 3 и 5), а разделения животных по особенностям воспроизведения (см. табл. 4) и их разделение на водных и сухопутных (см. табл. 7) и далее на пеших и летающих следует отнести к искусственным

классификациям. Если ограничиться только материалами «Истории животных», то надо иметь в виду, что родовидовая «классификация» представлена в этом трактате только «в первом приближении». На этом этапе «классифицирования» Аристотель наряду с «различиями» по частям (наличие крови и ног) «некритически» включает в определения «великих родов» и соответствующих их уровню «классов» «сопутствующее» (особенности воспроизведения), т.е. в определения наряду с «различиями» попадают «феноменальные сходства и несходства» (см. табл. 1; о разнице между «различиями» и «феноменальными сходствами и несходствами» шла речь в статье «Аристотель об основаниях классификации»). Эта «неточность» снимается в трактате «О возникновении животных». А разделение животных на водных, сухопутных и «воздушных» не входит в родовидовую «классификацию» уже в «Истории животных».

Примечания

1. Старостин Б.А. Аристотелевская «История животных» как памятник естественно-научной и гуманитарной мысли // Аристотель. История животных / Пер. В.П. Карпова; под ред. и с прим. Б.А. Старостина. – М.: Изд. центр РГГУ, 1996. – С. 38.
2. См.: Орлов Е.В. Аристотель об основаниях классификации // Философия науки. – 2006. – № 2. – С. 3–31.
3. См.: Аристотель. История животных.
4. Здесь и далее Аристотель цитируется в переводах автора.
5. Перевод Н.В. Брагинской. См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. – М., 1984. – Т. 3.
6. См.: *Dialectica sive Capita philosophica (recensio fusior)* / Ed. B. Kotter // Die Schriften des Johannes von Damaskos. V. 1: Patristische Texte und Studien 7. – Berlin: De Gruyter, 1969.
7. Аристотель. Соч.: В 4 т. – Т. 3. – С. 697, прим. 43.
8. Орлов Е.В. Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. – Новосибирск: Наука, 1996. – С. 74–75.
9. См., в частности: Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3: От Еврипида до Александрии. – М.: Искусство, 1992. – С. 179.
10. См.: Орлов Е.В. Аристотель об основаниях классификации. – С. 6–7.
11. См.: Старостин Б.А. [Прим. 5 к *Hist. An. I 1*] // Аристотель. История животных. – С. 415–416.
12. См.: Орлов Е.В. Аристотель об основаниях классификации. – С. 9.
13. См.: Розова С.С. Классификационная проблема и современная наука. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 26–39.
14. См.: Орлов Е.В. Аристотелевский эссециализм и проблема «формулировки проблем» // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия и право. – 2004. – Т. 2, вып. 1. – С. 161–169.
15. Орлов Е.В. Аристотель об основаниях классификации. – С. 11.

16. *Аристотель*. О частях животных / Пер. с греч., вступ. ст. и прим. В.П. Карпова. – [Б. м.]: Биомедгиз, 1937. – С. 203, прим. 120.
17. См.: *Орлов Е.В.* Аристотелевский эссециализм...
18. См.: *Карпов В.П.* Аристотель и его научный метод // *Аристотель*. О частях животных. – С. 27–28.
19. *Розова С.С.* Классификационная проблема... – С. 22.
20. См.: *Орлов Е.В.* Аристотель об основаниях классификации. – С. 10.
21. *Хлебалин А.В.* Проблема индивидуации референтов терминов естественных видов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 1. – С. 26.
22. Там же. – С. 25.
23. *Старостин Б.А.* Аристотелевская «История животных»... – С. 36.
24. *Lloyd G.E.R.* Aspects of the relationship between Aristotle's psychology and zoology // Essays on Aristotle's *De Anima* / Ed. by M.C. Nussbaum and A.O. Rorty. – Oxford: Clarendon Press, 2003 (reprinted). – P. 155.
25. *Met.* VII 2, 1028b8–13; VIII 1, 1042a6–12.
26. См.: *Зубов В.П.* Аристотель. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 43.
27. *Старостин Б.А.* Аристотелевская «История животных»... – С. 486.
28. Там же. – С. 12.
29. Там же. – С. 27.
30. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. – М.: Наука, 1971. – С. 151.
31. *Розова С.С.* Классификационная проблема... – С. 202–203.
32. См.: *Meyer J.B.* Aristoteles Thierkunde: ein Beitrag zur Geschichte der Zoologie // *Physiologie and alten Philosophie*. – Berlin, 1855.
33. См.: *Balme D.* Aristotle's use of division and differentiae // *Philosophical Issues in Aristotle's Biology* / Ed. by A. Gotthelf & J.G. Lennox. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – P. 80.
34. См.: *Орлов Е.В.* Аристотель об основаниях классификации...

Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск

Orlov, Ye.V. Elements of systematization in Aristotle's «History of Animals»

The paper comments *Hist. An.* and shows that Aristotle «systematizes» animals by means of the system of «classifications» among which there are both «natural» (genus and species) classifications and a number of «artificial» classifications concerned with the «natural» one. As for «classification» by genus and species, here Aristotle takes first of all parts of animals as a criterion.